

* * *

Все дело не в сроке – в сдвиге,
Не в том, чтоб, старея вмиг,
Людские надеть вериги
Среди заповедных книг, –
А в слухе природном, шаге
Юдольном – враспloch, впотьмах,
Чтоб зренье, вдохнув отваги,
Горенью дарило взмах –
Листвы над землей? крыла ли
В пространстве, где звук и свет? –
Вовнутрь, в завиток спирали,
В миры, где надзора нет!

Все дело не в благе – в Боге,
В единстве всего, что есть,
От зимней дневной дороги
До звезд, что в ночи не счесть, –
И счастье родного берега
Не в том, что привычен он,
А в том, что, устав от снега,
Он солнцем весной спасен, –
И если черты стирали
Посланцы обид и бед,
Не мы ли на нем стояли
И веку глядели вслед?

* * *

Куда заглянули вы нынче, слова? –
Не в те ли бездонные воды,
Откуда вы черпали ваши права
По первому зову свободы?

И что же от ваших стенаний и слез,
От музыки вашей осталось?
В разомкнутом небе – предчувствие гроз,
А в сердце – простая усталость.

Но смысл ваш подспудный не так уж и прост –
И мы не ему ли внимаем,
Когда норовим дотянуться до звезд
И рокот морей обнимаем?

В листве и цветах средь биенья лучей,
Украшивших грешную землю,
Я ваше участие еще горячей,
Еще откровенней приемлю.

Но с вашей повадкой и с вашей мечтой
Не только улыбки знакомы –
И тот, кто лежит под могильной плитой,
Постиг наваждение истома.

И я наглядеться еще не могу,
Как день наклоняется к вишням, –
И век неизбежный в себе берегу,
Чтоб с честью предстать пред Всевышним.

* * *

Вот смеркается, вечереет, –
И душа уже не болеет,
Но глаза от прохожих прячет,
А порою по-птичьи плачет.

Кто ты – горлица иль зегзица? –
Отзовись, не пугайся, птица! –
Не стенай надо мной, не надо,
Не кружись над громадой сада.

Отзовись из далекой были,
Где себя наяву забыли, –
И во сне возвращенья нету
К золотому началу света.

Что же, корни его – в землице?
Не кричи надо мной, зегзица!
Что же, ветви его – не тронешь?
Что ты, горлица, страшно стонешь?

На кого же ты нас покинул?
Лучше в сердце во мраке вынул,
Лучше б слуха лишил и зренья!
Где предел моего горенья?

– Нет конца твоему горенью –
Ты живущим пришел в даренье,
Ты поешь, и звучанье это –
Золотое начало света.

* * *

Тирсы Вакховых спутников помню и я,
Все в плюще и листве виноградной, –
Прозревал я их там, где встречались друзья
В толчее коктейльской отрядной.

Что житуха нескладная – ладно, потом,
На досуге авось разберемся,
Вывих духа тугим перевяжем жгутом,
Помолчим или вдруг рассмеемся.

Это позже – рассеемся по миру вдрызг,
Позабудем обиды и дружбы,
На соленом ветру, среди хлещущих брызг,
Отстоим свои долгие службы.

Это позже – то смерти пойдут косяком,
То увечья, а то и забвенья,
Это позже – эпоха сухим костяком
Потеснит и смутит вдохновенье.

А пока что – нам выпала радость одна,
Небывалое выдалось лето, –
Пьем до дна мы – и музыка наша хмельна
Там, где песенка общая спета.

И не чуем, что рядом – печали гуртом,
И не видим, хоть вроде пытливы,
Как отчетливо все, что случится потом,
Отражает зеркало залива.

* * *

Ты думаешь, наверное, о том
Единственном и все же непростом,
Что может приютиться, обогреться,
Проникнуть в мысли, в речь твою войти,
Впитаться в кровь, намеренно почти
Довлеть – и никуда уже не деться.

И некуда бросаться, говорю,
В спасительную дверь или зарю,
В заведомо безрадостную гушу,
Где всяк себе хозяин и слуга,
Где друг предстанет в облике врага
И силы разрушенья всемогущи.

Пошады иль прощенья не проси –
Издревле так ведется на Руси,
Куда ни глянь – везде тебе преграда,
И некогда ершиться и гадать
О том, кому радеть, кому страдать,
Но выход есть – и в нем тебе отрада.

Не зря приноровилось естество
Разбрасывать горстями торжество
Любви земной, а может, и небесной
Тому, кто ведал зов и видел путь,
Кто нить сжимал и века чуял суть,
Прошедши, яко посуху, над бездной.